

ЛИТЕРАТУРА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ОБЗОР). ПОЭЗИЯ

Цели: дать понятие о литературе военных лет; определить тематику поэзии как самого оперативного жанра, отметив органическое сочетание высоких патриотических чувств с глубоко личными, интимными переживаниями лирического героя; развивать личностные функции как самопредъявление, сотворчество.

Ход уроков

Ведь из нашего срока
Было лишь четыре года,
Где желанная свобода
Нам, как смерть, была сладка...

Давид Самойлов

I. Вступительное слово учителя.

Родина – одна из вечных моральных ценностей всего человечества. Слова о ней в мажорной тональности еще громче звучат в 30-е годы, прославляя единственную в мире Советскую страну.

Звучит песня «Широка страна моя родная» В. И. Лебедева-Кумача.

– О чем эта песня? (*Она о людях, которые умеют «смеяться и любить», в ней – «весенний ветер», человек «дышил вольно», и «с каждым днем все радостнее жить». Страна предстает «От Москвы до самых до окраин, / С южных гор до северных морей», «необъятной».*)

Уже давно исследователи обратили внимание на то, что именно так – панорамно, декоративно, монументально – изображалась Родина в советской поэзии довоенных лет.

Иначе она звучит в произведениях, написанных в «сороковые, роковые». Вот какими словами заканчивается написанная в 1939 году «Мещорская сторона» Константина Паустовского: «И если мне придется защищать свою страну, то где-то в глубине сердца я буду знать, что я защищаю и тот клочок земли, научивший меня видеть и понимать прекрасное...». Паустовский почувствовал, что такой взгляд обострится тогда, когда придется защищать свою родину. Так оно и получилось.

В знаменитом жестоком приказе наркома обороны Сталина № 227 от 28 июля 1942 года будет тоже сказано именно о клочке земли: «Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности».

В 1942 году выходит сборник статей Алексея Толстого «Родина». Он открывается статьей того же названия, напечатанной 7 ноября 1941 года. Здесь родина – это земля «отлич и дедич», как говорили наши предки: «И вот смертельный враг загораживает нашей родине путь в будущее. Как будто тени минувших поколений, тех, кто погиб в бесчисленных боях за честь и славу родины, и тех, кто положил свои труды на устроение её, обступили Москву и велят нам: «Свершайте!»

Кстати, именно в этот день 7 ноября 1941 года на параде Сталин обратился к образам героического прошлого: «Пусть вдохновляют вас в этой войне мужественные образы великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» Сразу за этими словами идет: «Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!» Сегодня трудно представить, что еще недавно такое сочетание имен Ленина и князя Александра Невского было невозможно. Но именно в дни войны по существу классовый подход дал ощутимую трещину в еще не осознавшем это в полной мере общественном сознании. Характерно, что именно во время войны происходит официальное возвращение в советскую культуру до того полуопального Сергея Есенина как русского поэта.

В дни войны дом стал в один ряд с такими понятиями, как родина, отчизна, страна. «Я часто вспоминаю, папа, – пишет с фронта лейтенант Николай Потапов, герой рассказа Паустовского «Снег», – и наш дом, и наш городок... Я знал, что я защищаю не только свою страну, но и этот маленький и самый милый для меня уголок».

Передавала сокровенные чувства и песня:

Не спит солдат, припомнив дом
И сад зеленый над прудом,
Где соловьи всю ночь поют,
А в доме том солдата ждут.

Гибель дома оборачивается трагедией. Да и сам этот дом не антитеза миру, открытому «настежь бешенству ветров», а часть этого мира, одна из основ и опор его.

Казалось бы, что значит и что может один человек на войне, где на полях сражений миллионы солдат, а в небе – десятки тысяч самолетов? Но именно эта война, война миллионов, как никогда, проявила значение каждого человека, отдельной личности.

В ноябре 1941 года Илья Эренбург писал в одной из своих статей: «Многие из нас привыкли к тому, что за них кто-то думает. Теперь не то время. Теперь каждый должен взять на свои плечи всю тяжесть ответственности. Во вражеском окружении, в разведке, в строю каждый обязан думать, решать,

действовать. Не говори, что кто-то за тебя думает. Не рассчитывай, что тебя спасет другой». В этом смысл хорошо всем известных слов из поэмы «Василий Теркин» Твардовского: «Грянул год, пришел черед, / Нынче мы в ответе / За Россию, за народ / И за все на свете». «Нынче мы в ответе» – не кто-то там наверху, а мы. С этим связано и изменение отношения к сокровенному в душе человека.

Личное и общественное стало единым: защита Отечества – это защита родного дома, чести, свободы и счастья родных и близких. Слова, обращенные к любимым и единственным, воспринимаются как признание в любви к родине.

Подготовленный ученик читает наизусть стихотворение Симонова «Жди меня».

Учитель. Вот как сам поэт рассказывал историю появления в печати этого стихотворения:

«Жди меня» – глубоко личное стихотворение, оно мною не предназначалось для печати. В декабре сорок первого года, прибыв с фронта, я зашел повидаться с Петром Николаевичем Поспеловым (ответственным редактором «Правды»). В разговоре он спросил, нет ли у меня каких-либо стихов для «Правды». У меня не было ничего подходящего. Есть, правда, одно стихотворение, сказал я, но оно интимное...» Напечатанное в газете на другой день стихотворение отозвалось в сердцах миллионов.

Во время войны многие и многие, открывая с неведомой силой своё, личное, индивидуальное, вместе с тем по-настоящему ощутили себя со страной и её народом. Так восстановилась нарушенная прежде связь.

25 августа 1941 года, возвратившись от Анны Ахматовой, П. Н. Лукницкий записывает в своем дневнике: «Она лежала – болеет. Встретила меня очень приветливо, настроение у неё хорошее, с видимым удовольствием сказала, что приглашена выступить на радио. Она – патриотка, и сознание, что сейчас она душой вместе со всеми, видимо, очень ободряет её».

Ученик. Вышедшая из тюрьмы перед самой войной Ольга Берггольц в первые же дни войны скажет:

Мы предчувствовали полыханье
Этого трагического дня.
Он пришел. Вот жизнь моя, дыханье.
Родина! Возьми их у меня!

Я и в этот день не позабыла
Горьких лет гонения и зла,
Но в слепящей вспышке поняла:
Это не со мной – с Тобою было,
Это Ты мужалась и ждала.

Нет, я ничего не позабыла!
Но была б мертва, осуждена, –
Встала бы на зов Твой из могилы,
Все бы встали, а не я одна.

Я люблю тебя любовью новой,
Горькой, всепрощающей, живой,
Родина моя в венце терновом,
С темной радугой над головой.

Он настал, наш час, и что он значит –
Только нам с Тобою знать дано.
Я люблю Тебя – Я НЕ МОГУ ИНАЧЕ.
Я и Ты по-прежнему – одно.

Потом, в октябре 1942 года, Берггольц запишет в дневнике: «Я пишу здесь только правду, даже когда на это требуются усилия. Так вот, 22 июня 1941 года была объявлена война, тюрьма отошла и простилась...

Тюрьма простилась, то есть перестала болеть, так как заменилась другой, новой, острейшей и тоже общенародной болью. Рубец же от неё, конечно, остался на всю жизнь».

Учитель. Во время войны был совершен прорыв к правде. Была необыкновенная потребность в ней. Об этом сказано в поэме «Василий Теркин»:

А всего иного пуще
Не прожить наверняка –
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

«Ситуация войны, – читаем в книге Евгения Добренко «Метафора власти», – заставила советскую литературу, может быть, впервые заговорить искренне, и этот голос почти полностью совпал с тем, что хотели слышать и власть, и массы».

Миллионы людей в дни войны, которая не могла не быть высшей формой несвободы, прикоснулись вместе с тем к дыханию свободы (свободы от тирании сталинского режима). В дни голодной ленинградской блокады Ольга Берггольц скажет:

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
Где смерть, как тень, тащилась по пятам,
Такими мы счастливыми бывали,
Такой свободой бурною дышали,
Что внуки позавидовали б нам.

Уже после войны Б. Пастернак скажет о ней: «Она промчалась как очистительная буря, как веяние ветра в запертом помещении... Трагический тяжелый период войны был вольным, радостным возвращением чувства общности со всеми».

О том, что люди в дни войны после всего перенесенного «вздохнули свободнее, всей грудью, и упоенно, с чувством истинного счастья бросились в горнило грозной борьбы, смертельной и спасительной», будут говорить в эпилоге и герои романа «Доктор Живаго».

Так война 1941–1945 годов стала истинно народной, священной: переплелись людские судьбы с судьбой России. Наверное, это явилось причиной того, что в литературе появляются герои, будто «списанные» с реальных людей (Василий Теркин и Андрей Соколов), а авторские стихи становятся народными песнями.

II. Фронтовые судьбы песенной лирики.

Работа в группах: представление песни. Это может быть и пение под гитару, и прослушивание фонограммы, и инсценирование. Затем слушание рассказов о судьбе песен.

1. «Катюша».

Имя Михаила Васильевича Исаковского (1900–1973) широко известно в нашей стране: ведь миллионы людей пели «Дан приказ ему на запад...», «В лесу прифронтовом...». Поэт сложил свои песни из удивительно простых слов, которыми сумел передать и радость, и горе своего народа, и слова эти стали поистине народными песнями. Среди них особое место принадлежит «Катюше». Вот уже более 60 лет поет ее страна. Да и не только наша. Более того, когда на одном из международных фестивалей в Загребе запели «Катюшу», югославы совершенно серьезно стали утверждать, что это их песня и пелась она якобы в Сербии и Хорватии еще во времена прошедшей войны. Вот какую популярность завоевала девушка, пославшая свой привет «бойцу на дальнем пограничье».

Стихотворение «Катюша» было написано в 1938 году. А песней оно стало в следующем – 39-м. Её появление именно в то время было не случайным. Поэзия тех лет переживала состояние приближающейся военной грозы. Николай Тихонов пишет свои знаменитые строки:

Так война 1941–1945 годов стала истинно народной, священной: переплелись людские судьбы с судьбой России. Наверное, это явилось причиной того, что в литературе появляются герои, будто «списанные» с реальных людей (Василий Теркин и Андрей Соколов), а авторские стихи становятся народными песнями.

II. Фронтовые судьбы песенной лирики.

Работа в группах: представление песни. Это может быть и пение под гитару, и прослушивание фонограммы, и инсценирование. Затем слушание рассказов о судьбе песен.

1. «Катюша».

Имя Михаила Васильевича Исаковского (1900–1973) широко известно в нашей стране: ведь миллионы людей пели «Дан приказ ему на запад...», «В лесу прифронтовом...». Поэт сложил свои песни из удивительно простых слов, которыми сумел передать и радость, и горе своего народа, и слова эти стали поистине народными песнями. Среди них особое место принадлежит «Катюше». Вот уже более 60 лет поет ее страна. Да и не только наша. Более того, когда на одном из международных фестивалей в Загребе запели «Катюшу», югославы совершенно серьезно стали утверждать, что это их песня и пелась она якобы в Сербии и Хорватии еще во времена прошедшей войны. Вот какую популярность завоевала девушка, пославшая свой привет «бойцу на дальнем пограничье».

Стихотворение «Катюша» было написано в 1938 году. А песней оно стало в следующем – 39-м. Её появление именно в то время было не случайным. Поэзия тех лет переживала состояние приближающейся военной грозы. Николай Тихонов пишет свои знаменитые строки: сокровенными для миллионов людей. И вот это восприятие «Катюши» народом как чего-то своего, личного, задушевного стало причиной удивительного явления – рождения множества новых песен-переложений.

На привет-послание девушки бойцу-пограничнику последовали песенные же ответы с пограничных застав. В них воины обращались к подругам, реальным или воображаемым, называя их одним ласковым именем:

Не цветут здесь яблони и груши,
Здесь леса прекрасные растут.
Каждый кустик здесь бойцу послушен,
И враги границу не пройдут.
Не забыл тебя я, дорогая,
Помню, слышу песенку твою.
И в дали безоблачного края
Я родную землю берегу.
Не забудь и про меня, Катюша,
Про того, кто письма часто шлет,
Про того, кто лес умеет слушать,
Про того, кто счастье бережет.

Но это было только началом военной биографии «Катюши». Настоящим бойцом она стала в годы Великой Отечественной войны. Солдаты-фронтовики

сочинили большое количество песен о любимой геройне. В одной из них девушка оказывается на захваченной врагом территории, её угоняют в рабскую неволю в Германию:

Здесь звенела песенка Катюши.
А теперь никто уж не поет:
Сожжены все яблони и груши,
И никто на берег не придет...

«Чтоб ненависть была сильнее, давай говорить о любви», – писал поэт-фронтовик Александр Прокофьев. Вот и воины, сочиняя новые варианты песни, говорили о любви. Ведь в образе невольницы-полонянки им представлялись невесты и жены, дочери и сестры, оставшиеся на захваченной фашистами земле.

Обычно в любовных письмах избегают высоких, громких слов. Но в особых условиях фронта, когда сами понятия Жизнь, Смерть, Родина, Любовь становятся не отвлеченными, а обостренно, трагически конкретными, воин говорит в письмах своей подруге самое сокровенное, интимное, которое звучит возвыщенно-обобщенно:

...Милая Катюша,
Буду метко бить я по врагам.
Наши нивы, яблони и груши
На позор фашистам не отдам.

В ответных «письмах-песнях» девушка заверяет любимого в том, что и она своим трудом поможет фронту: «Обещала милому Катюша: “Будем честно фронту помогать, будем больше делать мин и пушек, чтобы скорей победу одержать”».

Не только на трудовом фронте воевала «милая Катюша». Строки, рожденные в народе, утверждают, что она сражалась и с оружием в руках:

Отцвели вы, яблони и груши,
Только дым клубится над рекой.
В лес ушла красавица Катюша
Партизанской тайною тропой.
Завязался рано на рассвете
Жаркий бой, где яблони цвели.
Билась с ярым недругом Катюша
За клочок своей родной земли.

А вот она уже в другой роли:

Катя слово раненому скажет,
Так, что в сердце песня запоет,
Катя раны крепко перевяжет,
На руках из боя унесет.
Ой ты, Катя, девушка родная,

Сто бойцов спасла ты из огня,
Может, завтра, раненых спасая,
Из огня ты вынесешь меня.

Если собрать все песни о «Катюше», созданные за время Великой Отечественной войны, то получится обширная поэтическая энциклопедия, где найдут образное, художественное отражение и труд женщин в тылу, их чувства и переживания, думы и надежды, и их участие в партизанском движении и боевых действиях на фронте, и горькая судьба тех, кто оказался на оккупированной земле или был угнан в фашистскую неволю. Свод этих песен по широте и глубине показа человека на войне может сравниться разве что с «Василием Теркиным» Александра Твардовского. Причем важно то, что главное в этой поэтической энциклопедии – показ войны «изнутри». Через сокровенные переживания, доверяемые чаще письму, адресованному близкому человеку. Отсюда тот пронзительный лиризм, что и сегодня трогает человеческое сердце.

2. «Землянка».

Самыми популярными на фронте были песни о любви. О том, что это было именно так, убедительнее других свидетельствует судьба «Землянки» Алексея Суркова.

За свою долгую литературную жизнь поэт написал немало песен и стихотворений. Но «Землянка» и сейчас волнует душу и исполнителя, и слушателя. Секрет её необыкновенного песенного успеха, может быть, как раз в том, что она не писалась для пения. Да и вообще не предназначалась для публикации. Это письмо, частное, личное, интимное письмо к любимой женщине.

Сам поэт вспоминал об этом так: «Оно не собиралось быть песней. И даже не претендовало стать печатаемым стихотворением. Это были шестнадцать «домашних» строчек из письма жене. Письмо было написано в конце ноября 1941 года, после одного очень трудного для меня фронтового дня под Истрой, когда нам пришлось ночью, после тяжелого боя, пробиваться из окружения со штабом одного из гвардейских полков».

Как видим, это не просто письмо. Оно было написано сразу после того, как смерть была наверняка ближе, чем за четыре шага. Может быть, потому, что смерть отступила, поэт так благодарен жизни. За то, что она есть, за этот потрескивающий огонь в землянке, за смоляную слезу, за друзей, играющих на гармони, и за самое светлое чувство, переполняющее сердце нежностью и грустью, тревогой и теплом. И он спешит сказать любимой «о своей негасимой любви» и тем поблагодарить её и саму жизнь, саму судьбу.

Оказавшись в ситуации, в которой бывали сотни тысяч солдат чуть ли не ежедневно, Сурков сказал то, что хотел бы сказать и тот, и другой, и третий. А потому «Землянку» сразу признали фронтовики.

Еще до того, как была написана известная теперь всем музыка композитором Константином Листовым, солдаты сами начинали подбирать мелодию к полюбившимся словам. Текст «Землянки» переписывался в записные книжки. А вскоре солдаты стали посыпать домой стихотворные письма, в которых легко узнавались интонация, отдельные слова, а иногда и целые строфы «Землянки». А затем эти песни, сочиненные солдатами на мотив «Землянки», начали петь.

В годы войны фольклористы записали множество таких песен. Часто менялись географические координаты пишущего письмо:

Про тебя мне шептали кусты
В белорусских полях под Имгой...

Но в остальном письма фронтовиков очень напоминали текст стихотворения Алексея Суркова.

Не остались равнодушными к стихотворным посланиям из землянок и окопов и те, для кого они сочинялись, – жены и невесты воинов. В послевоенных фольклорных сборниках опубликованы сотни ответов на «Землянку». В этих ответах, которые женщины отправляли на фронт, слова поддержки, нежной любви, стремление ободрить любимого, укрепить его силы:

Слышу голос тоскующий твой,
Слышу песню двухрядки твоей.
Не грусти, мой желанный, родной,
Что-нибудь поиграй веселей.

И вновь вспоминается вечный образ Ярославны, которая готова была стать горькой кукушкой и лететь через долгие версты к своему любимому мужу. Много веков спустя, неизвестная русская женщина тоже хотела бы превратиться в птицу, пролететь любые расстояния, чтобы оказаться рядом с любимым:

Ветер, выюга, снега и метель,
Ночь морозная смотрит в окно.
Я б хотела к тебе прилететь,
Не видала тебя я давно.

Часто в таких письмах женщина пытается представить в мыслях образ своего любимого, обстановку, которая его окружает:

Вижу, как ты усталый сидишь
Над раскрытою картой своей,
И огонь все в печурке горит,

Но холодная ночь все темней.

Но заканчиваются такие письма-песни обычно убежденностью в том, что любовь поможет преодолеть, победить и зимнюю стужу, и разлуку, победить врага, приблизить победу:

Не грусти, не печалься, родной,
Пусть огонь не погаснет в груди –
Я в холодной землянке с тобой,
И победа нас ждет впереди.

3. «Синий платочек».

Долгое время бытовало мнение, что в первые дни войны по всей стране звучали лишь призывы и марши. Суровые и строгие, мужественные и героические. Лирике места, казалось бы, не оставалось. На самом же деле все было не совсем так. Ведь одной из первых песен Великой Отечественной войны стала та, первую строфу которой и сегодня знают многие:

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа
Киев бомбили, нам объявили,
Что началася война.

Удивительно, но эта песня не марш, и пелась она под мелодию... вальса. Да, первая лирическая военная песня сочинена на мелодию ставшего популярным буквально накануне сентиментального вальса «Синий платочек» (музыка Г. Петербуржского, слова Я. Галицкого). Да и незатейливый сюжет любовной песенки получает свое продолжение, свое развитие в теперь уже военной, фронтовой песне:

Кончилось мирное время,
Нам расставаться пора.
Я уезжаю, быть обещаю
Верным тебе до конца.

Песня «Двадцать второго июня...» быстро разнеслась по стране. В книге «Русский фольклор Великой Отечественной войны» (М.; Л., 1964) на основе архивных материалов отмечено, что песня «Двадцать второго июня...» была занесена в записную книжку фронтовика Н. И. Немчинова уже 29 июня 1941 года на Украине, а через месяц – 28 июля 1941 года была записана в селе Сегожь Ивановской области от бойца А. И. Смирнова.

Нам кажется, что столь быстрое распространение и популярность песни легко объяснить. Война обостряет все чувства человека, в том числе и любовь, и нежность, и тревогу за самых близких людей.

Война продолжалась, и появлялись все новые и новые песни на мелодию известного вальса. Пожалуй, чаще всего героиня таких песен – девушка, сменившая синий платочек на петлицы бойца санитарного батальона:

И вот в бою,
Под разрывами мин и гранат
Мелькаешь ты, как птичка,
В синих петличках –
Девушки скромный наряд.

Лирический герой таких песен не столько любуется девушкой в синих петличках, сколько словами песни пытается выразить свою благодарность юной героине, спасшей ему жизнь:

Кончилась схватка на сопке,
Враг отступает вдали.
Ты на коленях, в глубокой воронке
Раны завяжешь мои...

В различных фольклорных архивах хранится бесчисленное количество фронтовых вариантов «Синего платочка», большинство их анонимно. Но есть и авторские тексты. Один из авторов – Алексей Михайлович Новиков – в то время воевал на Ленинградском фронте. В первую зиму к ним в часть приезжала Клавдия Ивановна Шульженко.

Алексей Новиков с другими однополчанами сооружал импровизированные подмостки для выступления артистов в неприспособленном к проведению концертов помещении, временно превращенном в казарму.

Когда начался концерт, солдаты уже знали, что будет петь Шульженко, и ждали «Синий платочек». И все же произошла неожиданность – нежная, немного манерная песенка зазвучала по-военному призывно:

За них, родных,
Желанных, любимых таких,
Строчит пулеметчик за синий платочек,
Что был на плечах дорогих!

Этот концерт надолго запомнился солдатам. Сильное впечатление он произвел и на Алексея Новикова.

«А через некоторое время, когда на фронт стали приходить посылки с “Большой земли” (дело было на Ленинградском фронте) с носками и варежками, сухарями и табаком, – вспоминал Алексей Михайлович, – и мне вручили сверток, точнее – узелок из синей косынки. В узелке был душистый самосад.

В посылку была вложена записка примерного содержания: “Я давно уже не получаю от своего мужа с фронта писем, что с ним – не знаю. Не встречали ли

вы его? Может быть, что слышали о нем... (в записке были названы фамилия и имя солдата). Если что знаете о моем муже, то сообщите по адресу...". Адрес, конечно, сейчас забылся, но хорошо помню, что был Урал.

И посылка, и записка в ней, – продолжал Алексей Михайлович, – сильно растрогали меня. Под их впечатлением и под влиянием выступления Шульженко с её фронтовым "Синим платочком" (самосад-то был завернут в синюю косынку) я тогда написал свой вариант песни:

Синенький скромный платочек,
В нем табачок-самосад...

С родного Урала
Нынче прислали
Эту посыпочку-клад.

Порой ночной
Я закурю под сосной,
Дым самосада
В душной блокаде
Милый, далекий, родной.

Кончится зимняя стужа,
Силой мы даль проясним.
Выкурим гада
От Ленинграда,
Родины честь отстоим.

И вновь весной
Под знакомой тенистой сосной
Дым самосада
Напомнит блокаду,
А с нею платочек родной.

В этом словесном оформлении мы с товарищами пели "Синий платочек" под гармонику или баян», – закончил Алексей Михайлович.

Так стал известен еще один небольшой эпизод из судьбы «Синего платочка», первой лирической песни военных лет.

III. Итог уроков.

– В чем же, по-вашему, особенность поэзии военных лет?

Домашнее задание (по выбору).

Выучите наизусть и проанализируйте стихотворение военной поры или подготовьте рассказ о поэте – участнике войны.